

90393
Морозов & Савва Тимофеевна

Открытие нового театрального дома было торжественно отпраздновано 25 октября 1902 года. В центральном фойе состоялся парадный обед. К.С. Станиславский обратился к Морозову со словами сердечной благодарности.

— Понесенный вами труд, — сказал он, — мне представляется подвигом, а изящное здание, выросшее на развалинах притона, кажется мне сбывшимся наяву сном.

В этот радостный день ученики школы МХТа впервые увидели Савву Тимофеевичу. Он произвел на них впечатление очень скромного человека. "Увидев его в театре, — писала в своих мемуарах одна из тогдашних учениц, актриса В.П. Веригина, — никто бы не подумал, что именно он помог этому театру жить".

Однако представители старшего поколения актеров раздражало поведение в театре супруги Морозова Зинаиды Григорьевны — "кривлячки", как называл ее Немирович. Со своими великосветскими друзьями, в роскошных туалетах, она появлялась здесь часто (Морозовым было оговорено выделение постоянной ложи для его родни). Зинаида Григорьевна держала себя хозяйкой, пытаясь даже вмешиваться в репертуарную политику: настаивала на привлечении авторов "модных" пьес-однодневок, имевших успех у высшего общества...

В этот период Савва еще больше отдалась от жены. В его жизнь вошло новое чувство, — глубокое, очень серьезное. Чувство к одной из ведущих актрис МХТа, Марии Федоровне Андреевой.

Жена высокопоставленного чиновника А.А. Желябужского, принявшая сценический псевдоним Андреева, Мария Федоровна не была счастлива в семье. Несколько лет назад произошел фактический разрыв ее с мужем (он полюбил другую). Однако внешне все оставалось прежним: супруги согласились жить одним домом ради своих двух детей. "Об этом знали мои родные и догадывались большинство знакомых: шла в мешке не утаишь", — писала впоследствии Мария Федоровна в письме-исповеди о своей жизни старому другу Н.Е. Буренину.

Разочарованная неудачей в личной жизни, Андреева искала утешения в игре на любительской сцене. Она исполняла ведущие роли в спектаклях, поставленных Станиславским в Обществе искусства и литературы. В 1897 году через студента — учителя ее сына Мария Федоровна познакомилась с членами студенческого марксистского кружка и стала его участницей. Ко времени вступления в труппу Художественного театра Андреева уже была убежденной марксисткой, тесно связанной с РСДРП и выполняющей различные поручения этой партии.

Вскоре после того, как Морозов появился в Художественном театре, он стал преданным другом Марии Федоровны, частым гостем в ее доме. Не скрывал своего восхищения ее редкой красотой, преклонения перед ее талантом, рад был выполнить любое ее желание. Именно Андреева познакомила Савву Тимофеевича со своими друзьями из окружения Ленина, через нее они обращались к нему за помощью, в том числе и материальной.

Представляется, что не следует все же особенно преувеличивать, как это делают иные авторы, революционность воззрений Морозова, его интерес к марксизму. Имеет смысл вспомнить высказывание на этот счет из-

вестного эмигрантского писателя Марка Алданова. "Савва Морозов, — подчеркивал он, — субсидировал большевиков оттого, что ему чрезвычайно опротивели люди вообще, а люди его круга в особенности".

Отношения с Андреевой складывались для Морозова очень непросто. Об этом можно судить по горько-откровенному письму К.С. Станиславского Андреевой (февраль 1902 года). "Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные, — писал он. — Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, поч-

нае Вашей общей гармонии. Эту актеру в Вас (не сердитесь) я ненавижу... Она убивает в Вас все лучшее. Вы начинаете говорить неправду, Вы перестаете быть доброй и умной, становитесь резкой, бестактной, неискренней и на сцене и в жизни".

В высшей степени было присуще Андреевой актерское тщеславие, честолюбие. А создавшаяся в театре ситуация заставляла ее страдать. На самые выигрышные, эффектные роли назначалась, как правило, другая актриса — Ольга Леонардовна Книппер. На этом особенно настаивал Немирович-Данченко. Да и Станиславский разделял его позицию. Од-

пер мужу — А.П. Чехову. — Большинство высказалось, что всем делается не по себе, когда Морозов разговаривает с В.И. ...Конечно, все были на стороне В.И., исключая М.Ф. (Андрееву)".

Морозов тяжело поднялся со стула, попросил освободить его от председательства и вышел. Оставшиеся продолжали сидеть в молчании. И снова голос Книппер:

— Я поеду к Владимиру Ивановичу, а если нужно, и к Морозову, чтобы уладить это дело. Извинюсь перед Саввой. Но уже давно он ведет себя по отношению к Владимиру Ивановичу так, будто находит его лишним для дела...

"МОСКОВСКИЕ МЕЦЕНАТЫ"

Журнал "Современник" — 1993 — 19 марта — с. 9.

Эта книга написана не сегодня: три с лишним года она ждала своего часа в издательстве. И вот, "Московские меценаты" наконец увидела свет. Доктор исторических наук Наталья Георгиевна ДУМОВА открывает несколько чрезвычайно интересных, но забытых страниц нашей истории. Автор собрала уникальные материалы о наших соотечественниках — подвижниках на ниве культуры, рассказала об их непростых, полных драматизма судьбах...

Книга вышла в издательстве "Молодая гвардия". А мы публикуем с сокращениями главу "За кулисами", в которой рассказывается о взаимоотношениях Саввы Тимофеевича Морозова с МХАТом.

тительно. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите?.. Вы хвастаетесь публично перед почти посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы ради актерского тщеславия рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый капитал... ради спасения кого-то. Если бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы бы согласились со мной..."

Андреева принадлежала к числу людей, суждения о которых расходятся полярно. Очень редко современники отзывались о ней безразлично, равнодушно. "Ее или порицали, или восхваляли, любили или ненавидели, превозносили до небес или клеймили", — вспоминала хорошо знавшая Марию Федоровну жена Луначарского Н.А. Розенель.

Это объяснялось двойственностью характера Андреевой, сочетанием в нем привлекательно-позитивных и неприятных черт. "Я люблю Ваш ум, Ваши взгляды, которые с годами становятся все глубже и интереснее, — писал ей Станиславский в том же письме. — ...И совсем не люблю Вас актрисой в жизни, на сцене и за кулисами. Эта актриса — Ваш главный враг, резкий диссо-

нажды он сформулировал свои оценки так: Андреева — актриса "полезная", Книппер — "до разреза необходимая"...

Подспудные страсти выплеснулись наружу в начале марта 1903 года, на заседании правления Товарищества, где председательствовал Морозов. Обсуждалась репертуарная политика театра. Немирович вступил на заседании с длинной речью, призывая не гнаться за современными пьесами, не подстраиваться к низким вкусам публики, утверждал, что произведение таких писателей, как Леонид Андреев, Скиталец, не соответствуют необходимому уровню драматургии. Неожиданно Морозов прервал оратора:

— Это к делу-с не относится, — сказал он резко. — Вы отклоняетесь от темы-с.

Когда Савва сердился, он всегда говорил по-купечески, словоерсами. — Я сам знаю, что относится к делу, — отрубил Немирович и тут же ушел с заседания.

Наступила неловкая пауза. Не выдержав, взорвалась Книппер:

— Вы не имеете права обрывать Владимира Ивановича, раз он говорит о деле, — бросила она Морозову.

"Вспылила я оттого, что вообще у Саввы невозможный тон с Владимиром Ивановичем... — писала Книпп-

ер. Все вместе поехали к Немировичу, потом к Морозову. Объяснились и с тем, и с другим. Книппер принесла извинение Савве Тимофеевичу: по ее словам, "поговорили и расстались дружно". В конце концов инцидент был замят. "Очень хорошо, что так вышло, — писала Ольга Леонардовна Чехову, — что осадил Морозова, пока он не усилил свой тон".

Подготовка новых спектаклей — "Власть тьмы" Л.Н. Толстого, "Юлий Цезарь" Шекспира — заполнила весну и осень 1903 года, между которыми незаметно пролетели летние каникулы. В театре держался худой мир. Он лопнул в конце октября, когда состоялся серьезный разговор между тремя руководителями театра и Станиславским высказал ряд серьезных претензий по поводу последних спектаклей. Его волновало то, что в них не была раскрыта в должной степени философская сущность пьес Толстого и Шекспира, что вместо "интуиции и чувства" преобладала внешняя историко-бытовая линия. Константина Сергеевича беспокоило будущее театра, он был поглощен раздумьями о принципиальных проблемах дальнейшего творческого роста, поисками новых путей. Однако Немирович, который был поставщиком обоих спектаклей,

воспринял слова Станиславского как личный выпад в свой адрес. Самолюбие его было особенно задето тем, что при этом неприятном разговоре присутствовал Морозов, который поддержал критические высказывания Константина Сергеевича...

Вражда вспыхнула с новой силой. Большинство артистов было на стороне Немировича. Книппер в письме к Чехову в Ялту описывала происшедшее в таких выражениях: "К.С. все время говорил ему (Немировичу. — Авт.) об упадке театра, Морозов поддакивал. Это было страшно гадко, т.к. купец только и ждет, чтобы поссорились Алексеев с Немировичем. Если К.С. что-нибудь имеет против Вл. Ив., то пусть говорит это с глазу на глаз, а не при купце..."

На свои обиды жаловался Чехову и сам Немирович: "Морозовщина за кулисами портит нервы, но надо терпеть. Во всяком театре кто-нибудь должен портить нервы. В казенных — чиновники, министр, здесь — Морозов. Последнего легче обезвредить. Самолюбие иногда сильно страдает..."

По обыкновению собираясь друг у друга дома, актеры с жаром обсуждали разлад между руководителями театра. Василий Васильевич Лужский на таких "междусобойчиках" великодушно копировал Савву и, по выражению Книппер в письме к Чехову, "смешил адски".

А Морозову было не до смеха. Всего год прошел с тех пор, как он растроганно принимал жаркие благодарности за сказочно щедрый подарок театру, слушал хвалебные речи, прославляющие его тосты. Теперь же, приходя в остроенное им с такой любовью здание, кожей ощущал недружелюбие многих, угадывал недоброе шепотки за спиной, а в иных глазах видел нескрываемую враждебность.

Еще более было другое. На его глазах разворачивался роман Марии Федоровны с Горьким. Любимая женщина и лучший друг (которому он был предан, которому был "добровольной нянькой" во всех его финансовых делах) замыкались в свой особый мир, где Савве не было места. А.Н. Тихонов вспоминал о встрече нового, 1904 года в Художественном театре, где присутствовал Горький и Морозов:

"Обнаженная до плеча женская рука в белой бальной перчатке тронула меня за рукав."

— Тихоныч, милый, спрячьте это пока у себя... Мне куда положить?"

Мария Федоровна Андреева, очень красивая, в белом платье с глубоким вырезом, протянула Тихонову рукопись недавно написанной Горьким поэмы "Человек". В конце была сделана дарственная приписка — о том, что у автора поэмы крепкое сердце, из которого она может сделать каблучки для своих туфель.

Стоявший рядом Морозов взял рукопись, прочел последнюю страницу, поднял глаза на счастливое лицо Марии Федоровны:

— Так... так... новогодний подарок? Влюбилась?"

"Он выхватил из кармана французский брэн тонкий золотой портсигар и стал закуривать папиросу, но не с того конца. Андреева внимательно смотрела на его трясущиеся веснушчатые пальцы."

— Сейчас начнется кабар! Идемте! — сказала она, взяв его под руку..."

Конфликт Морозова и Андреевой с театром продолжал углубляться. Мария Федоровна чувствовала все большую неудовлетворенность своим положением в труппе, недостатком ролей. В феврале 1904 года она подала

заявление об уходе из театра. Раскрывая причины своего решения в письме к Станиславскому, Андреева подчеркивала, что дело в театре идет не так, как ей кажется "достойным и хорошим", что "театр только имеет вид храма искусства, но внутри его пусто".

Правление приняло решение предоставить Андреевой официальный отпуск сроком на год. Было важно не допустить разрыва театра с "ее свитой" — так называла Книппер в письме к Чехову Горького и Морозова. Оба в этот период испытывали острое разочарование в МХТе. "Видел Савву, — писал Горький жене Е. П. Пешковой (с которой они только что разъехались, но остались на всю жизнь большими друзьями), — плохо он говорит о театральном деле, видимо, наша публика вообще не способна работать дружно и уважая друг друга. Умрет этот театр, кажется мне".

...В результате ожесточенных дебатов между Немировичем и Морозовым с полной очевидностью для обоих вышло — в одной берлоге им далее не ужиться. Всегдашнего арбитра и миротворца Станиславского не было в Москве, он отдыхал на загородном курорте. Туда к нему пришло известие о том, что Морозов вышел из состава пайщиков МХТа и снял с себя должность директора театра (осенью 1904 года он изменил решение, согласившись оставить свой паевой взнос, но при этом отказывался от дальнейших денежных обязательств и от права решающего голоса в делах театра).

Константин Сергеевич горько сожалел о потере "Саввушки" (так любовно он называл его тогда в письме к Немировичу). "Морозов покинул нас, — писал он другому адресату. — Словом, осиротели".

...13 апреля Станиславский сообщил жене из Петербурга: "Сегодня напечатано в газетах и ходит слух по городу о том, что Савва Тимофеевич сошел с ума. Кажется, это неверно..."

В тот же день Андреева писала в частном письме: "Мать и Зинаида Григорьевна объявят его сумасшедшим и спрячут в больницу. Думала поехать к нему, но уверена, что это будет для него бесполезно". И назавтра: "Вон ведь какой дуб с корнем выворачивать начинает — Савва Тимофеевич. До чего жаль его и так чертовски досадно за полное бессилие помочь ему: сушь только — ему навредишь, и тебя оплюют и грязью обольют без всякой пользы для него. Хотя еще подумаем, может быть, что-нибудь и придумаем".

Но придумать ничего не удалось. 15 апреля собрался медицинский консилиум, поставивший следующий диагноз: "Тяжелое нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокоействе, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее". По рекомендации консилиума больной в сопровождении жены и личного врача был отправлен на лечение за границу.

В первых числах мая до России дошли слухи о том, что Савва чувствует себя лучше. Все наиболее важные дела (по словам Горького) были отложены до его возвращения из Кани, которое ожидалось в конце мая. Но 13 мая Морозов, лежа в постели в своем номере каннского "Рояль-отеля", покончил с собой выстрелом в сердце. В архиве сохранилась его коротенькая безликая записка: "В моей смерти прошу никого не винить". Он прожил на свете всего 43 года...